

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Бойко Александр Иванович

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», д.ю.н., профессор, bai-53@mail.ru

Аннотация. Противодействие преступности предполагает приспособление сегодняшних государственных расчётов и мер к уже случившимся и прогнозируемым криминальным эксцессам. Статья посвящена анализу эволюции уголовно-правовой доктрины восточных славян по линии прошлое – настоящее – будущее с показом современных трудностей борьбы с преступностью и возможных путей их преодоления.

Ключевые слова: будущее; история; настоящее; преступность; прошлое; уголовное право; эволюция.

Россию в злую шутку именуют страной без прошлого или с неизвестным прошлым в силу нашей национальной привычки перманентно менять вектор своего развития строго в противоположную сторону, обрушиваясь с критикой на своих предшественников. Однако, «затевя спор настоящего с прошлым, мы обнаружим, что потеряли будущее» (У. Черчилль), ибо оно куется в настоящем с оглядкой в прошлое. Наивно и опасно полагать, будто предыдущие поколения только и делали, что заблуждались и ошибались, усиленно создавая проблемы себе и потомкам, а вот современники могут с «чистого листа» преодолеть все преграды и твердой рукой направить страну в сказочное завтра.

Прозорливые люди эффектно величают историю журналом регистрации преступлений, глупостей и несчастий человечества (Э. Гиббон). Но роль архивной справки ничто в сравнении с тем, что откровения и уроки истории стреножат крайности во взглядах, упреждают завышенные расчеты и повторы ошибок. Обращение к прошлому особенно актуально для России, Белоруссии и Украины. Наша общая государственно-правовая история рисуется на Западе и в трудах отечественных либералов преимущественно в темных тонах: варварство, империя зла, геноцид, ГУЛАГ, тоталитаризм... Но «карательная практика» царской России и СССР, несмотря на отдельные трагические страницы их истории, дает не так уж много оснований для посыпания головы пеплом.

Юридический менталитет восточных славян, осевших на периферии старушки Европы, сформировался без религиозных исступлений инквизиции и крайних форм рабовладения. Наши предки были явно гуманнее своих западных соседей. К примеру, Правда Роська не содержит упоминания о смертной казни. Показателен и Поименный список приговоренных к этому страшному виду наказания в период с 1826 по 1906 гг. В нем значатся фамилии 612 человек или менее 8 осужденных к данной мере наказания в год, причем из них реально казнены лишь 128 несчастных [1]. Отечественные и зарубежные исследователи нашей уголовно-правовой истории вынуждены признать, что ни один памятник российского права эпохи феодализма не может сравниться по жестокости с Каролиной, что на Руси не было своего судьи фон Карпцова, пославшего на смерть двадцать тысяч германцев, а значительная часть приговоренных к исключительной мере наказания получала право на жизнь благодаря православной вере – обряду печалования или священнического увещевания, что русская карательная доктрина исключала «прямолинейное искоренение преступности террористическими методами» [2, с. 261]. А в этом проявилась гуманность восточно-славянской ментальности и уголовно-правовых воззрений наших юридических предшественников. Итожим: белорусам, русским и украинцам не стоит «стыдиться» национального прошлого в сфере борьбы с преступностью – на его гидропонике, с дополнительной опорой на опыт всей цивилизации можно и нужно уверенно искать решение назревших проблем уголовно-правового регулирования.

Проблемы настоящего на перепутье прошлого и будущего. Бурно развивающаяся в силу очередного (1991 год) исторического кульбита Отечества и переустройства мира криминальная действительность ставит перед уголовно-правовой доктриной новые и все более сложные задачи. Назовем и кратко обоснуем несколько зреющих или уже очевидных проблем уголовного права, от решения которых сегодня зависит наше будущее.

1. Необходимость деюридизации общества. В 1998 году Министерство юстиции РФ пересчитало количество действующих нормативных актов в стране (включая местный уровень); таковых оказалось на тот момент 1,5 млн. А производство нормативных правил продолжается с невиданной прежде интенсивностью, причем руководители депутатского корпуса искренне радуются собственному ударничеству и объявляют его результаты населению с гордостью. Наша отрасль – в передовиках. Прежний Уголовный кодекс (РСФСР) власти упразднили и под тем соусом, что за 36 лет существования в него было внесено около 700 поправок, но в УК РФ 1996 г. за 25-летие состоялось уже более 4 тысяч изменений. Это дорога в никуда, порождающая ненужное администрирование, содержание огромного управленческого аппарата (2,4 миллиона российских чиновников против 660 тысяч в СССР), многочисленные

коллизии юридических правил, правоприменительные и судебные ошибки, общественную нервность, дополнительные бюджетные расходы, снижение инициативности населения в различных областях [3] и прочие негативные плоды. Так нельзя. Именно юристы должны стать инициаторами максимально возможного вытеснения юридических регламентов саморегуляцией общественной жизни.

2. Опасность возвращения кастовости в сферу борьбы с преступностью, провоцируемой громадным имущественным неравенством, порожденным криминальной приватизацией. Криминалистам следует более критично оценивать иммунитеты и отход от идеи равенства в пользу класса собственников, противопоставляя этому исключительные (типа «обстоятельств, исключających преступность деяния») и переходные (типа «возрастной невменяемости», «уменьшенной вменяемости», эксцесса необходимой обороны, специальных субъектов и пр.) нормы, а равно привилегированные составы (ст. 106–108 УК РФ), в количественном отношении катастрофически проигрывающие их квалифицированным собратьям.

3. Трансформация национального языка и организация уголовного преследования государством. Общеизвестно, что юрист буквально «кормится» языком как своим основным орудием труда. Но с ним, помимо падения культуры пользования вследствие господства поп-культуры и формирования целого поколения с клиповым мышлением и интернет-аддикцией, общего снижения качества юридического образования и уровня вузовской науки в целом, приключились две больших неприятности: а) при давно установленной филологами норме в 10% словарного запаса нации для целей управления, в законодательстве РФ уже задействовано более 30% тезауруса русского языка; б) ныне 80% слов европейских языков с длительной культурной эволюцией (а русский язык входит в этот пантеон) синонимичны, что препятствует единообразию закона. Полагаем, что следует искать и культивировать специальные (на сегодняшний день пока новые) технологии толкования законодательных текстов типа герменевтики, топики и пр. [4, с. 189-203].

4. Рост объемов и сложности правовой системы. Послереформенная разбалансированность социума и нормотворческая активность представительных учреждений безальтернативно влекут за собой появление новых отраслей права и дальнейшую дифференциацию юридических знаний. Это способствует повышенному спросу на узких специалистов по бланкетности и коллизионному праву. Для представителей уголовного права, фирменной спецификой которого служит бланкетность, это и предупредительный звонок, и социальный заказ, и шанс карьерного роста.

5. Диалектическое противоречие стабильности и изменчивости уголовного закона, на которую первыми обратили внимание известные столичные

криминалисты из МГУ [5, с. 76–83], ориентирует нас на законодательствование «с упреждением», обязательное производство беспристрастных научных (в том числе криминологических) экспертиз всех законопроектов по борьбе с преступностью, использование оценочных понятий, обеспечивающих геронтологию УК, и (как крайнего средства) законодательных экспериментов.

Библиографические ссылки

1. См.: Против смертной казни: сб. статей / под ред. М.Н. Гернета. М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1907. 500 с.
2. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII веков. М.: Юристъ, 1995. 288 с.
3. Известный криминолог современности объявил, что множась ограничения и запреты настолько опутали россиян, что их творчество в любой сфере тормозится или даже блокируется, поскольку оно рассматривается если не как правонарушение, то как девиация (Гишинский Я.И. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 302-311).
4. Подробные предложения на сей счёт см. в нашей монографии: Бойко А.И. Язык уголовного закона и его понимание. М.: Юрлитинформ, 2010. 320 с.
5. Кузнецова Н.Ф., Злобин Г.А. Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение нормотворчества // Сов. государство и право. 1976. № 8.

Грунтов Игорь Олегович

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Профессор кафедры уголовного права юридического факультета БГУ, д.ю.н.,
профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемы института необходимой обороны в Республике Беларусь. Осуществляется сравнение положений о необходимой обороне в законодательстве Беларуси и некоторых иностранных государств. Предлагаются направления совершенствования института необходимой обороны в Республике Беларусь.

Ключевые слова: необходимая оборона; превышение пределов необходимой обороны; обстоятельства, исключющие преступность деяния.

1. В соответствии с законом необходимая оборона это защита охраняемых правом ценностей от общественно опасного посягательства путем причинения